

ниям; 4) *э* меняется местом с последующим согласным, и выступающий вместо него согласный подвергается чередованиям; 5) *э* опускается, и в основе глагола за первым согласным появляется *о* (стр. 511—512).

На самом деле местоименными показателями объекта в составе прямопереходных глаголов являются префиксы *й-, и-, э-*, а то, что составители называют префиксами *е, ё, йи, ю*, является сочетаниями префикса *й-* с последующими гласными основы *э, о, и, у*. При наличии прямого дополнения эти префиксы опускаются, а префикс *й-* некоторых глаголов чередуется с *h-*; кроме того, в основе глаголов в этих случаях восстанавливаются утраченные в результате присоединения префиксов гласные. В связи с этим выделенные составителями типы «чередований» получают совсем иную трактовку. Первый тип «чередования» означает лишь, что группа глаголов с префиксом *й-* опускает его при наличии прямого дополнения. При втором типе чередований с *h-* чередуются не префиксы *е, ю, йи, я*, а префикс *й-*, например: *йэдъ* «варить что-либо», *чо һэдъ* «варить рыбу»; *йуптъ* «завязывать что-либо», *һонтъ һуптъ* «завязывать мешок» и т. д. При третьем и четвертом типах «чередований» не префиксы *и-* и *э-* меняются местом со следующим согласным, а они опускаются, и в основе восстанавливается утраченный гласный, как в случаях *ифкътъ* «запрягать кого-либо», *қан буктъ* «запрягать собак» (в основе глагола восстанавливается гласный *у*); *эмкътъ* «1) резать что-либо, 2) ломать что-либо», *чо мокътъ* «резать рыбу» (в основе глагола восстанавливается гласный *о*). При четвертом типе «чередований» опускается префикс *э-* и восстанавливается гласный *о* основы глагола.

Суффиксы *-бар/-бара* и *-сар/-сар* определяются составителями словаря как один и тот же суффикс категорического наклонения глагола (стр. 521), а на самом деле это два различных суффикса, хотя оба, действительно, образуют форму категорического наклонения глагола. Суффикс *-ае/-ае* образует только форму 2-го лица мн. числа повелительного наклонения глагола, утверждение же, что посредством этого суффикса образуются

также формы 1-го лица мн. числа и 1-го лица дв. числа (стр. 521), представляет собой явное недоразумение: показателем 1-го лица дв. числа повелительного наклонения является суффикс *-та*, а 1-го лица мн. числа — суффикс *-да*. То же самое следует сказать о значении суффикса *-вей/-вей*.

В индексе частиц и суффиксов дается *вините*, который определяется как суффикс, образующий форму 1-го лица дв. числа повелительного наклонения (стр. 524); в действительности же это форма 1-го лица дв. числа повелительного наклонения глагола *видъ* «идти» (*-ны* — суффикс будущего времени, *-те* — суффикс 1-го лица дв. числа повелительного наклонения).

На стр. 524 читаем: «При отсутствии формообразующих суффиксов ряд глаголов изъявительного наклонения в форме на *-дь (-ть)* субстантивизируется». Это неточно, так как, например, существительное *иньндъ* «пища» есть результат субстантивации глагола *иньдъ* «есть» в форме будущего времени.

-иныр определяется как деепричастный суффикс 1 и 2-го лица ед. числа (стр. 525). Однако, во-первых, здесь два суффикса — суффикс со значением намерения *-инь* и деепричастный суффикс *-р*, и, во-вторых, этот последний является показателем 2 и 3-го лица ед. числа.

ку (-ру ~ -ху ~ -гу), по мнению составителей словаря, образует форму мн. числа существительных и глаголов 3-го лица изъявительного наклонения (стр. 527; разрядка наша. — В. З.). На деле этот суффикс присоединяется к глаголу в форме изъявительного наклонения на *-дь*, которая не изменяется по лицам. В «Кратком грамматическом приложении» и «Кратком указателе частиц и суффиксов» есть и другие погрешности, на которых мы не имеем возможности здесь останавливаться.

Составителями «Нивхско-русского словаря» впервые собран большой лексический материал и, несмотря на отмеченные нами недостатки, проделанную ими работу следует оценить положительно.

В. З. Панфилов

Чой Лувсанжав. Орос монгол өвөрмөц хэллэгийн толь.
Эрхэлсэн Ш. Маамхүү, Х. Нямбуу.—Улаанбаатар хот, 1970. 640 стр.

Суга из центральных проблем современной фразеологии — конституирование едичных релевантных признаков фразеологизмов — может быть успешно решена только на основе анализа большого количества фразеологических явлений и

фактов, относящихся к типологически разным языкам. В связи с этим лексикографическая регистрация и интерпретация фразеологических единиц как один из способов их описания имеет немаловажное значение. Рецензируемый «Рус-

ско-монгольский фразеологический словарь»¹ призван помочь не только лицам, имеющим определенные знания в русском языке, но и тем, кто, не обладая такими навыками, стремится глубоко и серьезно изучать язык русского народа, его литературу и искусство; словарь должен также способствовать расширению и упрочению фразеологических знаний преподавателей русского языка, работающих в монгольских учебных заведениях, и оказать помощь переводчикам русского языка (предисловие, стр. 3—8). Именно эти задачи определяют методику отбора фразеологического материала русского языка.

В корпус словаря вошли в первую очередь фразеологические единицы, широко употребительные в современном русском языке, фразеологизмы, встречающиеся в произведениях русских и советских писателей, устойчивые обороты, характерные для стилей разговорного языка; включены также пословицы, поговорки, крылатые выражения и афоризмы.

В значительном количестве приводятся обществено-политическая фразеология и в гораздо меньшей степени узкоспециальные термины-фразеологизмы. Таким образом, словарь достаточно полно отражает основной состав русской фразеологии. Конечно, нельзя сказать, что принципы и критерии отбора материала русской фразеологии отличаются строгой продуманностью и выдержанностью. Так, совершенно неясно, какими соображениями руководствовался составитель при включении в словарь: а) малоизвестных фразеологизмов типа *запустить (подпустить) брандер (брандера)* — стр. 233, 469; *в последнем градусе* — стр. 75; *со всеми онёрами* — стр. 561; *ни обола* — стр. 406; *березовая лапша* — стр. 31; *чающие движения воды* — стр. 616 и др.; б) междометно-восклицательных частиц *ай-ай-ай; ай да!* — стр. 15; *ах да* — стр. 18; в) союзных сочетаний *а не то, а то* — стр. 13, 14; *будто бы* — стр. 50; *что если* — стр. 624; *как только* — стр. 279; г) терминов и крылатых выражений, крайне пассивных в употреблении: *член-соревнователь* — стр. 623; *остаться за флагом* — стр. 426; *идти (пойти) в каносу* — стр. 249; *андроны едут* (точнее: *поехали андроны*) — стр. 17. Наличие в словаре подобных фразеологизмов мало оправдано: они лишь перегружают его.

Необходимо было оговорить и уместность таких «однословных идиомов», как *Балабайкин* — стр. 19; *крышка кому* — стр. 298; *дожили!* — стр. 200; *виднее кому* — стр. 106. В результате в словарь попало очень много материала, не имеющего прямого отношения к фразеологии.

Автор сосредоточил основное внимание, как и полагается в двуязычных словарях, на вопросах перевода русских фразеологизмов. Для полного и всестороннего раскрытия смысловых потенций русских выражений составитель стремится к подбору максимального количества фразеологических соответствий в монгольском языке. С этой же целью привлекаются лексические средства, поговорочно-пословичные речения, парные сращения, свободные словосочетания и даже синтаксические схемы-конструкции. См., например, перевод следующих фразеологизмов: *во все лопатки бежать (удирать, гнать)* — стр. 112: хааны морьд үзэгдв үү гэдэг шиг хурдла-, хоёр зээрдээ хорстол, ... хөлийн хөө шандасыг үзүүл-, маахайгаа эргэтэл, хөлөө гуйвтал; *браться за ум* — стр. 47: ухаан суу-, ухаан оро-, сүв нь онгой-, томоож-, ухааж-, хэрсүүжи-, мягко стелет, да жестко спатъ — стр. 324: үг нь зөөлөн үйл нь хатуу; аман дээрээ бал, алс цаанаа жад; ам нь ээж, ачир нь хойт ээж; *ни на шаг (ни шагу) не отходить (не отпустить)* — стр. 409: ...аас холдохгүй, ...аас салахгүй; ...тай л цуг, сүүдэр шиг, унага шиг, даага шиг.

Из приемов перевода в словаре используется главным образом смысловая, который представлен двумя видами: эквивалентами и аналогами. В русском и монгольском языках, несмотря на их разнотипность, имеется большое число одинаковых по смыслу и образности выражений. Такими лексико-семантическими совпадениями умело пользуется автор словаря, например: *руки коротки* = гар богино... (стр. 523), *как небо от земли* = газарь тэнгэр хоёр (стр. 273), *до небес вознести (превознести)* = тэнгэр тултал магта- (стр. 194), *держать камень за пазухой* = чулуу өвөртлөх (стр. 282), *ходить на острие ножа (ходить по лезвию ножа)* = хутганы ир дээр (стр. 608), *по пальцам пересчитать можно* = хуруу дараад тоолчихоор... (стр. 454) и т. д. В то же время в монгольском языке много таких выражений, которые, будучи по значению адекватны русским фразеологизмам, расходятся с ними в образной силе. Примерами их являются монгольские аналоги к следующим русским оборотам: *как кошка с собакой* — хонь чоно хоёр (шиг) «как волк и овца» (стр. 270), *коломенская верста* — тэнгэр баганадсан хүн (буквально: «подпирающий столбом небо») — стр. 289; *делать (сделать) из мухи слона* — хулганыг маггаад луус болго = «сделать из мышки мула, расхвалив» — стр. 183; *креста нет на ком* —

¹ Чой Лувсанжав в течение нескольких лет специально занимался изучением и сбором национальной фразеологии (см.: Csoj Luwsanjav, A mongol szolasok. Kandidatusi ertekezis tezeise, Budapest, 1966). Материал же, собранный преимущественно в полевых условиях, лег в основу рассматриваемого словаря.

хүний үнэргүй (буквально: «человеческого запаха не имеющий») — стр. 295.

Зачастую в одном ряду приводятся в стилистическом отношении весьма пестрый материал, который в таких условиях не всегда обладает способностью адекватно (даже при условии синонимичности) передать семантический объем соответствующего русского выражения. Так, например, на стр. 504 в словарной статье фразеологизма *против рожна переть (идти)* приводится около десяти монгольских «эквивалентов»: зам дээр голио азаа үзэх гэдэг шиг, өндгөр хад цохи-, арслангийн өмнөөс хав хуца-, хирээ мэдэхгүй загна-, хир давуу аашила-, биеэ биед, бэгтээ цаггалад бодо-. Хотя перечисленные выражения семантически близки, но из-за неодинаковой силы образности и из-за стилистической неравноценности они не реализуют в полной мере тот смысл, который заключен в русском фразеологизме: «предпринимать что-либо рискованное, заведомо обреченное на неудачу, чреватое неприятностями»². В какой-то степени соотносительны с ним по значению два из них — монг. арслангийн өмнөөс хав хуца = «моська лаяла на льва» и зам дээр голио азаа үзэх гэдэг шиг «как говорят, саранча нашла судьбу ва дороге».

Часто в словаре даются параллельно буквальныи, смысловой и описательно-толковый переводы, которые дополняют друг друга. Например: *вошь в овечьей шкуре* — ү г ч и л б э э с хонины арьс нөмөрсөн чоно, м о н г о л о р хүний арьс нөмөрсөн чоно, сүүлгүй нохой (чоно), инээдэг дайсан; хэлэн дээр чихир, шилэн дээр хутга; (урхан дүртэй буг, тэнгэр дүртэй тийрэн, дотуур тамиртай, муу саанаатай, хогийн мөөг (стр. 121); *нет розы без шипов* — ү г ч и л б э э с өргөсгүй сарнай гэж байдаггүй, ...юманд заавал өөтэй, дутагдалтай тал байдаг; у т г а нь мэргэн боловч алддаг, мэлхий боловч шаварддаг; махан хэл хазайх байтугай, эвэр туурай хальтарадаг (стр. 401). В некоторых случаях прием буквального перевода выступает как единственно возможный способ передачи русского фразеологизма: *волчий паспорт (билет)* — боохой данстан, боохой данст, боохойн бүртгэл (стр. 123), *греческий нос* — герет хамар (стр. 172). В таких случаях дается обычно пояснение, которое раскрывает специфику бытования соответствующего русского выражения.

Из нескольких значений русских полисемантических фразеологизмов раскрываются только основные, общеизвестные: *бить челом кому* (стр. 34): 1. хошуу цорвой-, ард нь гарч алгаа тосож урд нь гарч уруулаа унжуул-, царай алда-, мөргө-, гуйж гувши-, хишиг хүртэ-, эрүү өвдгөө дэвсэ-; 2. тогтоож хайрлана уу, өргөн

бари-, хөл алдан хүндлэ-. Не раскрытыми остались значения таких контекстных употреблений, как *бить челом на кого* и *бить челом кому о чем*.

В целом же при переводе фразеологических единиц русского языка автором учитываются и переносные, ситуативно-окказиональные значения. В большинстве своем переводы русских оборотов и выражений удовлетворительные. Можно было бы сослаться на целый ряд словарных статей, в которых перевод фразеологизмов русского языка отличается совершенством. Вместе с тем в словаре есть неудавшиеся переводы и факты неверного осмысления русских фразеологических оборотов. Приведем несколько примеров: *крапивное семя* (стр. 293): 1. аян шалтаг(болох)³, 2. хоригий нь уудлах, хоры нь маажих (буквально: «1. поводом, причиной становиться»; 2. вскрывать пороки недостатки; яд чей-л. царапать, т.е. задевать чье-л. самолюбие); *тянуть (разводить) каминетель* (стр. 596): дэмий юмаар оролдо-, хий цаг нөгцөө-, улиг домог бол- (буквально: «заниматься бесполезными вещами, понапрасну тратить время; притчей-легендой становиться»); *в зубах навязло* (стр. 63): зэвүүцэх, заллах, ярьшигтай, төвөгшөөх, хөмхий зуух, зангах, зүхэх (буквально: «робеть, страшииться; томиться; хлопотное дело; стращать, бранить»).

О практических приемах подачи и разработки фразеологического материала русской части кратко сообщается в разделе «О пользовании словарем» (стр. 9). В отношении расположения фразеологизмов и применения системы помет и отсылок автор опирается на опыт советских фразеологов А. В. Кунина, А. И. Молоткова, Я. И. Репкера и др. Внутри каждой букв фразеологизмы расположены в алфавитном порядке и снабжены соответствующим номером. Это облегчает поиски нужного фразеологизма, а главное помогает избежать повторного перевода в тех случаях, когда тот или иной оборот имеет лексический вариант или синонимы. Однако данное условие не возводится в принцип, а потому сплошь и рядом находим переводы фразеологизмов при их структурных (компонентных) синонимах. Например, фразеологизм *брать быка за рога* (кстати, почему-то снабженный пометой *п о с л.*) сопровождается переводом дважды (см. В—325 и В—576).

Поскольку словарь адресован изучающим русский язык, а точнее, русскую фразеологию, то следовало бы лексические и формальные варианты, а также факультативные компоненты давать в

³ Заметим, что автор словаря непоследователен в регистрации глагольных форм: то они даются в форме основы, то в форме на -х.

² См.: «Фразеологический словарь русского языка», М., 1967, стр. 317.

различных по начертанию скобках: прямых, круглых и ломаных. Это помогало бы составить более точное представление о возможных изменениях в структуре русских выражений. В анализируемом словаре используются для всех видов вариативности фразеологизма только круглые скобки, что недостаточно. Не всегда выдержана система отсылок и помет. Например, помещенный на стр. 416 фразеологизм *обещанного, говорят, три года ждут* имеет в просторечии синоним *сулѣного три года ждут* (стр. 579), однако указание на сферу употребления последнего отсутствует, нет и отсылки от одного к другому. Аналогичных случаев в словаре немало.

В словаре не указывается акцентуация для русских фразеологизмов, что особенно необходимо было бы для случаев, когда в состав фразеологизма входит та или иная частица (*вот, на* и др.).

С тем, чтобы избежать ненужного повторения заголовка русских фразеологизмов и их перевода, не стоило бы давать в качестве самостоятельных статей формальные варианты. Ср., например: *подставить (подставлять) ногу* (стр. 469) и *подставить ножку* (стр. 470); *кликать клич* и *кликнуть клич* (стр. 287); *открывать Америку* (стр. 432) и *открыть Америку* (там же); соблюдение данного принципа позволило бы сделать словарь компактнее.

Русская часть словаря изобилует досадными опечатками, орфографическими и пунктуационными ошибками. Укажем только на некоторые из них. Так, вместо *задать латать* дано *задать лопать* (стр. 226); вместо *в облаках быть (видать...)* — *в облаках быть (видать...)* (стр. 69); вместо *кликнуть* — *клинуть* (стр. 287); вместо *козел отпущения* — *козел от пушѣния* (стр. 289). Нередко такого рода недостатки носят характер грубого искажения исходной формы фразеологизма, нарушая нормы его употребления в русском языке. Например, в качестве самостоятельных статей приведены *ходить на голове* и *ходить по*

голове (стр. 608); *бросить на чашку весов* (стр. 50, 477) вместо *положить на чашу весов*; *фига-мигли* (стр. 605) вместо *фигли-мигли*.

Приведенный в монгольской части материал хорошо иллюстрирует богатые вариативные возможности фразеологизмов монгольского языка, наглядно отражая их структурные и семантико-стилистические особенности.

Монгольская часть словаря вмещает огромный фактический материал, причем самого широкого диапазона: литературно-книжная, фольклорная и диалектная фразеология. Несмотря на специфическое назначение этот двуязычный словарь является уникальным собранием фразеологического богатства монгольского языка. Поэтому рецензируемый словарь, являясь полезным справочным пособием для монголов, изучающих русский язык и его фразеологию, имеет и ценность оригинального источника при научном исследовании фразеологического состава монгольского языка. Выход в свет «Русско-монгольского фразеологического словаря» Чой Лувсанжава — заметное явление в лексикографической деятельности языковедов Монгольской Народной Республики⁴.

Г. Ц. Пюрбеев

⁴ В последние годы в лингвистических учреждениях МНР, в частности в Институте языка и литературы Академии наук и на языковых кафедрах Монгольского гос. университета им. Х. Чойбалсана ведется большая словарная работа. Об этом свидетельствуют лексикографические издания 1965—1970 гг., из которых особого упоминания заслуживают: Я. Цэвэл, Монгол хэлний товч тайлбар толь, У.-Б., 1966; С. Лувсандан, Сумъябаатар, Монгол хэлний ойролцоо үгийн товч толь, У.-Б., 1966; Ц. Дамдинсүрэн, А. Лувсандэндэв, Орос монгол толь, У.-Б., I—II, 1967, 1969.